

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Старун Мария Игоревна
**«ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР В 1917-1939 ГГ.»**

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
канд. ист. наук, PhD
доцент Т.Ю. Борисова

Санкт-Петербург 2024

Работа выполнена в Департаменте истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Санкт-Петербургского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**Научный руководитель – кандидат исторических наук, PhD (Law), доцент
Департамента истории Татьяна Юрьевна Борисова**

Постановка проблемы исследования

После революций 1917 года на территории бывшей Российской империи начал устанавливаться новый правовой режим. Его функционирование определялось не только декретами новой большевистской власти и марксистско-ленинской теорией государства и права, но и наследованными имперскими практиками, а также многообразием социальных отношений, характерных для разных пространств и территорий нового государства.

Советские товарищеские суды были одной из таких форм реализации новой законности на локальном уровне – на производствах, в учреждениях, в деревне, при кооперативах.¹ На производствах товарищеские суды официально были введены декретом СНК РСФСР 14 ноября 1919 года² для поднятия рабочей дисциплины с помощью коллективного воздействия. Они функционировали без жестких формальных процедур, имели ограниченную юрисдикцию и небольшой круг наказаний. Такие суды должны были разбирать нарушения трудовой дисциплины и «воспитательно» воздействовать на граждан. В 1922 г. в связи с введением Новой экономической политики и стабилизацией экономической ситуации они были упразднены, но вновь введены в практику в 1928 г.³ К концу 1930-х гг. деятельность таких судов в связи с ужесточением трудового законодательства сошла на нет.

---

¹ ЦИК СССР об организации сельских общественных судов от 29 сентября 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 51, ст. 531. *Кожевников М.В.* История советского суда. М., 1948.

² Декрет СНК РСФСР от 14.11.1919 «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» // СУ РСФСР. 1919 г. № 56. С. 537.

³ Упразднение товарищеских судов происходило постепенно. В законодательном порядке ТДС были упразднены декретом СНК от 30 апреля 1923 года, однако, как замечают историки, суды продолжали создаваться и после по инициативе местных профорганов. (*Филиппов Е.И.* История товарищеских судов в РСФСР. Р-н-Д, 1982). В Карелии товарищеские суды были упразднены только в 1925 году. Исследовательница местных судов объясняет это тем, что до периферийных территорий центральные декреты доходили значительно медленнее. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти, так как они не объясняют, были ли у местных государственных и профсоюзных органов свои интересы в поддержке деятельности товарищеских судов. *Ефремова Е.А.* Становление товарищеских судов в Карелии // StudArctic Forum. 2022. №4. С. 13-20.

Товарищеские суды не были изобретением большевиков. В образовательной среде они возникли примерно в середине XIX века⁴, в рабочей – появились в 1905 году во время революции. Последние возникали не по требованию государства, имели, скорее, стихийную природу, и каждый из судов имел свой способ организации, набор санкций и нарушений. Большевики стали первыми, кто увидел перспективу в товарищеских судах как универсальных органах для разрешения конфликтов и общественного воспитания в самых разных условиях и средах, осознав их подвижность, гибкость и широкую применимость.

Сложность для исследования заключается в том, что товарищеские суды функционировали на протяжении не всего изучаемого периода. После официального введения в 1919 году они были упразднены на производствах уже в 1922. Несмотря на отказ от товарищеской юстиции в эти годы, именно в контексте нэпа во второй половине 1920-х гг. среди юристов появилась идея возродить товарищеские суды в той или иной форме. Следующий период их истории охватывает 1928-1935 гг. Поиск архивных источников о практике товарищеских судов после 1935 г. в архивах Москвы и Санкт-Петербурга оказался, за редким исключением, безуспешным. Касательно этого периода я в основном располагаю лишь статистическими данными из ГАРФ и опубликованными источниками.

С одной стороны, разделение на два разных периода (1917–1922 и 1928–1939) усложняет исследование товарищеского судопроизводства, с другой стороны, таким образом можно рассмотреть в деталях режимы законности, установившиеся в критические для советского порядка годы. Введение товарищеских судов всегда совпадало с «переходными» (transitional)⁵ периодами в истории Советской России, когда отмирание государства и, соответственно, приближение коммунизма, казались все ближе: сначала после революции, потом с началом индустриализации, и позже — за рамками моего исследования — после смерти Сталина⁶.

---

⁴ О педагогической реформе Пирогова см.: *Красновский А.А.* Педагогические идеи Н. И. Пирогова. М., 1949; *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1953; *Фролова М.И.* Реализация нормативно-правовых актов в области общего образования России в организационно- управленческой деятельности Н. И. Пирогова как попечителя учебного округа // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. №2 (59). С. 26-34.

⁵ М. Рендл использует понятие «переходного» права по отношению к периоду Октябрьской революции и Гражданской войны, когда рушилась старая правовая система и рождалась новая. Я предлагаю применить его также к рубежу 1920-1930-х гг., т.е. к началу индустриализации, снова подразумевающей ускоренное продвижение к коммунизму, политическое перерождение пролетариата, а также реформу советского права в интересах ускоренного экономического развития. *Rendle M.* The State Versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917-1922. Oxford University Press, 2020. P. 8.

⁶ О послевоенных товарищеских судах: *Вольдман Е.* Товарищеские суды на предприятиях, в учреждениях и организациях...; Филиппов Е.И. История товарищеских судов в РСФСР...; *Berman H., Spindler J.* Soviet Comrade's Courts // Washington law review. Vol. 38. 1963. №4. P. 842-910; *Berman H.* Justice in USSR. Cambridge, Massachusetts, 1963; *Butler W. E.* Comradely Justice in Eastern Europe // Current Legal Problems. 1972. Vol. 25. №. 1. P. 200-218; *Gorlizki Y.* Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. Vol. 46, No. 3. P. 403-425; *Moyal D.* Did Law Matter? Law, State and Individual in the USSR 1953-1982. PhD Dissertation. Stanford University, 2010.

Товарищеские суды в данном исследовании рассматриваются как один из локусов социалистической законности, реализованный на производстве. Особенности, которые объединяют изучаемые товарищеские суды, являются коллективность, выборность, непрофессионализм, публичность, а также близость к производству. При этом товарищеские суды нельзя назвать исключительно советским феноменом. Они имеют сложную генеалогию, как российскую, так и международную, являясь транснациональным феноменом. В рабочей сфере они имели прежде всего социалистическую природу, даже в случае подмандантой Великобритании Палестины в 1920-е гг. В данном исследовании, однако, товарищеские суды рассматриваются только в их советском воплощении, так как там они были основным институтом низовой юстиции, занимавшим особое место в воображении советских чиновников. Товарищеские суды не только должны были приблизить коммунизм, но и помочь государству с решением отдельных проблем вроде недостаточного уровня трудовой дисциплины, загруженности народных судов и т.д. Международный опыт товарищеских судов при этом позволяет сфокусироваться на особенностях советских товарищеских судов, имевших собственные способы организации. В диссертации я описываю пределы таких трансформаций советских товарищеских судов в межвоенный период.

Актуальность исследования

Данное исследование сосредоточено на истории товарищеских судов, являвшихся низовыми судебными органами. Внимание историков и исследователей права к локальным судебным практикам не теряет своей актуальности. Повседневная работа локальной правовой системы и её разнообразные контексты демонстрируют те правила и способы бытования права на местах, где оно было ближе всего к советскому гражданину. К тому же в российской историографии исследованию обычных правонарушений уделено гораздо меньше внимания, чем политическим преступлениям.

В литературе уже отмечали недостаточную изученность советского низового судопроизводства. Во-первых, историки больше концентрируются на изучении чрезвычайных органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, обращая мало внимания на суды и другие органы юстиции⁷. Во-вторых, они в меньшей степени концентрируются на процессуальных матрицах судебных процессов⁸. Кроме того, исследователи так и не пришли к консенсусу

---

⁷ *Кодинцев А.Я.* Роль органов юстиции в осуществлении уголовного судопроизводства по политическим преступлениям в сталинский период: современная историография // *Правоприменение.* 2019. №3. С.5-20.

⁸ *Блюм А.* К изучению политических процессов в Советском Союзе и послевоенной коммунистической Европе // *Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения:* сб. мат.-лов рос.-фр. семинара. (Москва, 11-12 нояб. 2009 г.). Новосибирск, 2010. С. 5-11.

по поводу влияния Октябрьской революции на ход развития российского права⁹. Мое исследование, основанное на разнообразных опубликованных и неопубликованных исторических источниках, вводит в научный оборот новый фактический материал, дополняя и развивая представление о советском праве и его применении в 1917-1939 гг.

Новизна исследования

Диссертационное исследование сосредоточено на производственных товарищеских судах, организованных на предприятиях. Выбор обусловлен тем, что в рамках большевистской идеологии промышленные рабочие рассматривались как наиболее сознательная часть населения, поэтому на примере товарищеских судов можно рассмотреть авангард социалистической законности в его естественной среде. К тому же, в историографии специфическое правовое и дисциплинарное поле советского предприятия не освещено с точки зрения истории права.

Помимо этого, мое исследование предлагает усложнить понимание советской истории права. В большинстве критических интерпретаций социалистическое, или революционное, правосознание используется как термин, который обозначает политический произвол внутри советской правовой системы¹⁰. Более того, социалистическую законность называют деформированной, а ее природу – антиправовой¹¹. Однако такая интерпретация, не подкрепленная исследованием правоприменения, является недостаточно убедительной.

При этом невозможно отрицать, что правоприменение в рамках социалистической законности в межвоенный период отличалось особой гибкостью. Под гибкостью я понимаю такое качество, которое позволяет одним и тем же нормам реализоваться по-разному в разных условиях: подстраиваться под местность, контекст нарушения, социальный статус тяжущихся. В этом случае ключевым для выбора санкции оказывается не нарушение, а его контекст. Историки права отмечают, что пластичность применения правовых норм

---

⁹ Представители модернистской школы давно рассматривают 1917 года не как границу двух совершенно разных периодов, а как момент частичной трансформации. См. подробнее: Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. New York, 2000. Такой подход также разделяет школа новой имперской истории. См. подробнее: Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. 2007. №1. С. 218-238.

¹⁰ Фельдман Д. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2016. Историк Александр Шипилов в своей диссертации настаивает на том, что лишь террор был основным механизмом борьбы с нарушениями, тогда как законы имели лишь формальное значение и были подчинены политическим целям. Шипилов А.В. Революционная законность и становление советской юстиции (1917 - 1922 гг.): Дисс. .... канд. ист. наук. М., 2006. Представитель тоталитаристской школы Ричард Пайпс является одним из классиков подхода, утверждающего отсутствие права в советской системе (подробнее о нем см. в разделе «Историография советского права»).

¹¹ Кабаненко М.С. Особенности советского социалистического правосознания, обусловившие его деформацию // Вестник ОмГУ. Право. 2011. №3. С. 38-44. Отрицание права в советской системе подразумевается и в теории тоталитаризма. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996..

является отличительно чертой не только советского, но и российского права вообще¹². Такая гибкость советского правоприменения в 1917-1939 гг. не вписывается в концепцию правового плюрализма, подразумевающего, что в одном политическом пространстве существует несколько параллельных правовых систем¹³. Напротив, система вынуждена была создавать такое законодательство, которое должно быть гибким из-за самой необходимости приспособиться к разнообразию территорий политического образования.

Данным исследованием я стремлюсь доказать, что советская судебная система была сложно организованной, и характеристики вроде «репрессивная» или «антиправовая» недостаточны для её объяснения. Пресловутая бессистемность законодательных норм решалась правовым же образом – путем выпуска дополнительных актов, локальных норм, заполняющих образовавшиеся лакуны. Безусловно, уровень политического давления на все сферы жизни в межвоенный период был высоким, однако социалистическая законность не была сосредоточена вокруг сугубо политических интересов государственной власти. Исследование социалистического правосознания только сквозь призму террора и беззакония препятствует развитию других способов помыслить закон и общественный порядок в советской России¹⁴. В данном исследовании я обращаю внимание на то, как товарищеское судопроизводство демонстрировало не только репрессивный, но и эмансипаторный (анти-репрессивный) потенциал¹⁵. Вполне возможно в изначальной посылке приблизить суд к населению увидеть демократические, а не исключительно дисциплинирующие интенции¹⁶. Новизна моего исследования заключается в том, что историю товарищеских судов я рассматриваю в более широком контексте правовых норм и практик, сложившихся на локальном уровне. Кроме того, я рассматриваю историю

---

¹² Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2017; Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб., 2020. С. 95; Borisova T., Burbank J. Russia's Legal Trajectories // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. № 3. Pp. 469–508.

¹³ Подробнее о методологии легального плюрализма: Griffiths J. What is legal pluralism? // *The journal of legal pluralism and unofficial law*. 1986. № 18.24. P. 1–55; Merry S. E. Legal pluralism // *Law & Society Rev.* 1988. № 22. P. 869–896; Pospisil L. *The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law*. New York, 1971. О применении концепции легального плюрализма к российскому праву: Burbank J. An imperial rights regime: Law and citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. № 3. P. 397-431.

¹⁴ Так, например, Питер Соломон, например, отмечал, что непрофессиональная работа народных судов не была репрессивной в своих истоках, а превратилась в террор только в чрезвычайных условиях коллективизации. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008.

¹⁵ Под эмансипацией в данном контексте я понимаю обретение в суде пространства для борьбы за свои права и для критики существующего порядка – социального или политического. Нам трудно вообразить советские правовые практики эмансипирующими, однако в данном случае я имею в виду те судебные результаты, которые были противоположны репрессиям и способствовали освобождению от правовых ограничений – своего рода «антирепрессии», которые в отдельных случаях были просто отсутствием репрессий.

¹⁶ О моральном характере дисциплины труда в 1930-е годы в СССР: Морозов А. А. Развитие советского законодательства о дисциплине труда: историко-правовой аспект (1917-1945 гг.): Автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 2001.

товарищеских судов на протяжении всего межвоенного периода, что еще не было предпринято в историографии.

Методология исследования

Данное исследование сосредоточено на изучении советского законодательства и его практики. Я рассматриваю историю права как подход, который позволяет обратить внимание не только на нормы, но и на процедуры, юридические техники, способы доказывания и представления участников процесса об истине и справедливости¹⁷. Такой подход позволяет исследовать, как советские граждане взаимодействовали с правом напрямую: наблюдали и принимали решения, выступали осужденными, свидетелями, защитниками или обвинителями, и даже реформировали само это пространство. В рамках этого подхода я прибегаю к формально-юридическому методу, подразумевающему анализ правовых норм, но он является не самоцелью, а способом выявить различия между юридической нормой и практикой.

Следуя традиции изучения не только советского, но и дореволюционного права, я рассматриваю правовую практику с помощью функционалистского подхода¹⁸. Такой подход подразумевает, что судебная система выступала ареной взаимодействия властных интересов и интересов локальных сообществ, а также служила средством передачи ожиданий и представлений о порядке и социальной справедливости. Применение этой концепции, выработанной в историографии дореволюционного права, по отношению к советскому периоду обнаруживает связность истории всего российского права. Функциональная оптика способствует рассмотрению разнообразных практик законности в СССР, многие из которых нельзя рассматривать как специфически советские, как, например, не только юридические техники, но и гибкость правоприменения. Понятие гибкости, которое я применяю в диссертации, позволяет поместить российское и советское право в широкий международный контекст на основе исследований школы *critical legal studies*, которая считает правовую неопределенность неотъемлемым компонентом любой системы законности¹⁹.

---

¹⁷ Например: *Борисова Т.Ю.* "Необходимая оборона общества": язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 101-18; *Факурдинова А.* Правовая основа деятельности товарищеских судов (1920-е – начало 1930-х гг.) // Право: история и современность. № 4. С. 33–43; *Яковлева Т. Г.* Торговля по правилам и без: Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2021.; *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905—1917. Bloomington; Indianapolis, 2004.

¹⁸ *Dahlke S., Tissier M.* The practice of law and justice in Russia (Eighteenth-twentieth centuries). Foreword//Cahiers du monde russe. Russie-Empire russe-Union soviétique et États indépendants. 2012. № 1 (53). P. 7-13; *Борисова Т.* The Emergence of the Legality Tradition in Russia, 1800-1918. Phd Dissertation. Turku, 2016.

¹⁹ *Yablon C.M.* The indeterminacy of the law: Critical legal studies and the problem of legal explanation // Cardozo L. Rev. 1985. Vol. 6. P. 917.

Особое внимание я уделяю случаям «нестандартного» функционирования товарищеских судов, принимая за стандартный нарратив, подразумевающий репрессивность коллективов по отношению к провинившимся работникам²⁰. Я стремлюсь выяснить, как в отдельных случаях законодательная норма воспринималась и интерпретировалась. Такой подход подразумевает использование микроисторической оптики исследования²¹.

Материал в диссертации излагается по хронологическому принципу. После системного социально-правового исследования института товарищеского суда и его функционирования в момент установления большевистской власти и в годы первой пятилетки я перейду к более локальной оптике, используя метод case-studies.

Объектом исследования является комплекс документов о функционировании товарищеских судов и других институтов судебной и социальной помощи работникам в 1917-1939 гг.

Предметом исследования является деятельность товарищеских судов на производстве, рассмотренная в контексте социалистического правосознания как пространства взаимодействия разных правовых субъектов, а также функционирования социалистической законности и дисциплины на предприятиях в годы революции, Гражданской войны и первых пятилеток.

Цель исследования – установить режим функционирования товарищеских судов в межвоенный период, способ их включения в систему советского права, а также особенности социалистической законности в поле товарищеской юстиции в 1917-1939 гг.

Задачи исследования

- определить цели и условия формирования товарищеских судов в годы Гражданской войны и первых пятилеток;
- выявить специфику правового и дисциплинарного пространства советских предприятий;
- проследить изменения в работе товарищеских судов в 1917-1922 и 1928-1939 гг.;

---

²⁰ Подобный подход в западной историографии называется «легалистским», однако наименование «функционалистский» кажется мне более универсальным. Вообще в западной историографии советского права можно отметить разделение на «тоталитаристов» и «легалистов», отсылающее к классическому разделению на тоталитаристов, ревизионистов и пост-ревизионистов. *Sagatiene D. Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law// SSRN–Max-Planck Institute for European Legal History Research Paper Series. 2016.*

²¹ Микроистория называется исследователями одновременно и методом, и подходом. *Атнашев, Т., Велижев, М., Тогоева, О., Бессмертная, О., Кошелева, О., Зорин, А., ... & Бойцов, М. Микроистория и проблема доказательств в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2019. № 6. С. 83-121.*

- установить возможности, которые советские граждане имели в пределах товарищеского и, шире, производственного судебного разбирательства;
- установить отношения товарищеских судов с органами юстиции и общественными органами;
- определить изменения понятий и практик социалистической законности на примере деятельности товарищеских судов;
- описать и проанализировать процессуальные особенности советских судебных заседаний в товарищеских судах 1917-1922 и 1928-1939 гг.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1917-1939 гг. Начальная точка исследования обусловлена появлением товарищеских судов на производствах после Февральской революции. Именно в этом виде они перекочевали в советский правовой порядок и были институционализированы позднее в 1919 году. Верхняя граница 1939 года определяется существенной переменной в регулировании трудовой дисциплины. В 1940 году за трудовые нарушения по указу от 26 июня уже следовала уголовная ответственность²². Поэтому 1939 год можно посчитать закономерной границей исследования, так как он является последним «мирным» годом в промышленности²³.

Степень научной разработанности темы

Товарищеские суды в интересующий меня период были учреждены на двух значимых для межвоенной истории СССР этапах – во время Гражданской войны и с началом индустриализации. Исследователи спорят о трансформациях, которые с 1917 по 1939 год претерпела правовая политика советского государства. Периоды, в которые функционировали товарищеские суды, вызывают наиболее яркие дебаты о взаимодействии террора и права, революционной законности и правосознания. В историографии раннесоветского права времен революции и Гражданской войны основная дискуссия проходит вокруг вопроса, можно ли считать этот порядок вообще правовым в силу его зависимости от государственной политики. Вокруг этого спора, как пишет Д. Сагатьене, во время Холодной войны сложилось разделение на «тоталитаристов» и «легалистов» в

²² *Кодинцев А. Я.* Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // *Политика и общество.* 2008. № 5(41). С. 72-79. *Соломон П.* Советская юстиция... С. 291.

²³ *Романов Р. Е.* Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // *Историко-экономические исследования.* 2015. №2. С. 271-296. Как пишет Питер Соломон, усилия режима по налаживанию дисциплины до этого оставались в поле трудового и административного права, в рамках которых и действовали товарищеские суды. Уголовные дела находились вне их юрисдикции. *Соломон П.* Советская юстиция... С. 293.

исследованиях советского права²⁴. Тоталитаристы настаивали на том, что и суд, и органы террора были явлением одного порядка, тогда как легалисты доказывали существование законности в СССР вопреки террору²⁵. Советские правоведы также подразумевали в своих исследованиях этот дуализм между правом и террором. М. Кожевников, В. Портнов, М. Славин, И. Мартысевич писали о том, что советские суды рождались в обстановке отсутствия правовой и политической легитимности властных институтов, что вызывало ряд сложностей. Они, как и многие другие советские авторы, характеризовали правовую систему «государства рабочих и крестьян» как в целом демократическую по своей природе и защищающую права граждан. При этом нельзя сказать, что их выводы были бездоказательными²⁶. Это показывает, что оба тезиса о советской законности – о том, что она была тоталитарно-репрессивной, и о том, что она была правовой – находят себе подтверждение при выборе соответствующих источников.

Дуализм советского права стал общим местом историографии, однако каждый раз он оценивался по-разному. Подобные выводы делают не только историки права, но и другие историки советского периода. Так, исследователь советской национальной политики историк Терри Мартин рассматривал партийные органы как более жесткие по сравнению с бюрократическими государственными, действующими по линии ЦИКа²⁷. Историк Мэтью Рэндл назвал советскую систему двунаправленной (two-pronged)²⁸. Правовед Питер Соломон, автор фундаментального исследования сталинской юстиции, также сделал вывод, что борьба большевиков за удержание власти породила параллельную правовым институтам систему террора и внесудебного насилия²⁹.

Сегодня эти споры менее очевидны и однозначны, так как историки, ориентированные на исследование практики судов, усложняют видение таких бинарных оппозиций. Например, А. Ретиш и М. Рендл фиксируют размытые границы между разными судами, их зависимость от местных властей, а также широкую трактовку «революционной законности» снизу³⁰. Тем не менее, продолжающиеся дискуссии на этот счет показывают,

---

²⁴ *Sagatiene D.* Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law...

²⁵ Самые яркие представители – Ричард Пайпс и Гарольд Берман. *Pipes R.* Legalised lawlessness. Soviet Revolutionary justice. London, 1986.; *Berman H.* Justice in USSR. Cambridge, Massachusetts, 1963.

²⁶ Портнов и Славин, например, обращали внимание на возможность участия женщин в народных судах, а также судопроизводства на национальных языках. Так же они приводили статистику судебных санкций, где большинство почти во всех губерниях составляли штрафы, а не лишение свободы. Даже лишение свободы примерно в 40% случае налагалось народными судами условно. Это позволило им заключить, что советский суд первой инстанции был демократичным по своей сути. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.). М., 1990. С. 43-52.

²⁷ *Мартин Т.* Империя "положительной деятельности". М., 2011. С. 125.

²⁸ *Rendle M.* The State Versus the People... P. 1.

²⁹ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине... С. 24.

³⁰ *Ретиш А.* Поиск справедливости в революции: местная судебная система Вятской губернии в 1917–1922 гг. // Эпоха войн и революций, 1914-1922. СПб., 2017. С. 100-111.; *Rendle M.* The State Versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917-1922. Oxford University Press, 2020.

что советская система была очень гибкой и её можно было адаптировать как под жестокие репрессии, так и под демократическое вовлечение ради предположительного достижения большей справедливости. Вместе с этими дуалистическими концепциями историки обычно обсуждают и понятие гибкости (*flexibility*), которое регулярно используется для описания не только большевистской доктрины,³¹ но и российского (дореволюционного и советского права)³².

Что касается историографии товарищеских судов, то интерес к ним среди исследователей оформился в 1960-е гг. после их очередного введения в действие Н.С. Хрущевым.³³ Как за рубежом, так и в СССР изучением товарищеских судов занялись прежде всего юристы и правоведы. Так, Е.Я. Вольдман и П.И. Икорский написали внушительные диссертации по истории товарищеских судов. Оба юриста настаивали на демократической природе этих органов³⁴.

До открытия советских архивов большинство зарубежных исследователей фокусировались на законодательных и идеологических основаниях товарищеских судов, на целях их введения³⁵. Основные дебаты были сосредоточены вокруг того, можно ли считать установленный посредством введения товарищеских судов социальный контроль репрессивным. Берман и Спидлер, например, писали, что товарищеские суды были сосредоточены не на самих правонарушениях, а на упрочении их морального осуждения. Исследователи пришли к заключению, что пост-сталинские товарищеские суды предстают прежде всего как общественные органы, а не государственные³⁶. В рассуждениях о товарищеских судах у историков возникали и эссенциалистские объяснения. Так, юрист Уильям Батлер утверждал что товарищеские суды были результатом развития не только социалистической мысли, но и «специфически русского» чувства сообщества.³⁷ Стремление обнаружить обычное право в советских практиках является еще одной

---

³¹ *Pipes R.* Legalised lawlessness... P. 14.

³² *Berman H.* Justice in USSR...; *Pipes R.* Legalised lawlessness...; *Rittersporn G.* Extra-judicial repression and the Courts: Their relationship in the 1930s // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996.* New York, 1997. P. 207–227; *Sharlet R.* Pashukanis and the Withering Away of Law in the USSR // *Cultural revolution in Russia, 1928-1931.* Bloomington, 1978. P. 169-188; *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2017.

³³ *Smith G.B.* Popular Participation in Administration of Justice in the Soviet Union: Comrades' Courts and the Brezhnev Regime // *Indiana Law Journal.* 1974. Vol. 49. No. 2. Art. 2. P. 238-240; *Ramundo B.* The Comrades' Court: Molder and Keeper of Socialist Morality // *George Washington law review.* 1965. № 33. P. 692-727; *Berman H.* Spindler. Soviet Comrades' Courts // *George Washington law review.* 1963. №4. P. 842-910; *Butler W.E.* Comradely justice in Eastern Europe // *Current Legal problems.* 1972. Vol. 25. P. 200-218.

³⁴ *Вольдман Е.* Товарищеские суды на предприятиях, в учреждениях и организациях. Диссертация кандидата юридических наук. М., 1969. *Икорский П.* Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы советской власти (1917–1922 гг.). Диссертация кандидата юридических наук, Воронеж, 1966.

³⁵ *Ibid.*, note 28.

³⁶ *Berman H., Spindler J.* Soviet Comrade's Courts // *Washington law review.* 1963. Vol. 38. №4. P. 842-91.

³⁷ *Butler W. E.* Comradely Justice in Eastern Europe... P. 200-218.

историографической конвенцией, свойственной историографии российской правовой и государственной системы³⁸.

Большинством вышеупомянутых авторов товарищеские суды рассматривались как постоянно действующий в СССР орган, существование которого оправдывалось прежде всего советской идеологией и желанием приблизить суд к населению. Историки, занимающиеся историей советского права после открытия архивов, не только усложнили представления западных ученых об их хронологии, но и обратили внимание не на идеологическое, а на прагматическое значение таких судов. Питер Соломон объяснил введение общественных судов необходимостью декриминализации³⁹. В рамках той же традиции Йорам Горлицкий, специалист по позднесталинской политике и правовому порядку, в своей статье зафиксировал, что основная роль в инициировании реформы товарищеских судов принадлежала органам юстиции⁴⁰.

Другим историографическим контекстом для рассмотрения товарищеских судов является социальная история. На изучении дисциплины в товарищеских судах времен Гражданской войны сосредоточился специалист по социальной истории Льюис Сигельбаум.⁴¹ При этом будучи прежде всего социальным историком, Сигельбаум не контекстуализировал товарищеские разбирательства в рамках трансформаций социалистической законности и дебатов по поводу дуализма права и террора. Подобным образом правовые аспекты не рассмотрены С.В. Журавлевым и М. Мухиным. Авторы «Крепости социализма» больше были сосредоточены на рабочей повседневности⁴².

В последние годы основные тексты на русском языке, посвященные товарищеским судам, были написаны юристами. Многие из них рассматривают региональные измерения товарищеских судов⁴³. Юристы обращают внимание на важные процессуальные детали и

---

³⁸ *Ledeneva A.* The Genealogy of Krugovaya Poruka: forced trust as a feature of Russian political culture // *Proceedings of the British Academy.* 2004. Vol. 123. P. 85-108.; *Hosking G.* Forms of social solidarity in Russia and the Soviet Union // *Proceedings of the British Academy.* Vol. 123. P. 47-62. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России. М., 2001.

³⁹ *Solomon P.* Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917-1941 // *Law and Society Review.* 1981. № 16. Pp. 9-43.

⁴⁰ *Gorlizki Y.* Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect. *The American Journal of Comparative Law.* 1998. Vol. 46, No. 3. P. 403-425.

⁴¹ *Siegelbaum L.* Defining and Ignoring Labor Discipline in the Early Soviet Period: The Comrades-Disciplinary Courts, 1918-1922 // *Slavic review.* 1992. № 4 (51). P. 705-730; *Ibid.* Narratives of Appeal and the Appeal of Narratives: Labor Discipline and Its Contestation in the Early Soviet Period // *Russian History.* 1997. № 1 (24). Pp. 65-87.

⁴² *Журавлев С. В., Мухин М.* Крепость социализма: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. М., 2004.

⁴³ *Ефремова Е.А.* Становление товарищеских судов в Карелии // *SAF.* 2022. №4. С. 13-20; *Исаев В.И., Михеев Д.Ю.* Товарищеские суды в Сибири в годы первых пятилеток // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2018. №2 (25). С. 110-114.

юридические техники товарищеских разбирательств⁴⁴. А.Г. Факурдинова сделала любопытный вывод, что товарищеский суд времен Гражданской войны закрывал собой еще не кодифицированное трудовое право. Помимо ассоциации товарищеских судов с чрезвычайностью и террором исследователи работают с понятием квазисудебности. Его для изучения товарищеских судов использовали А. Факурдинова и В. Суязов⁴⁵. Оба юриста в целом нормализовывали квазисудебные органы, объясняя, что они способствуют разгрузке государственных судов, а также позволяют иметь дело со специфическими нарушениями, в которые порой не могут вникнуть судьи общей юрисдикции.

Таким образом, товарищеские суды изучались в рамках разнообразных историографических методологий, которые высвечивают отдельные аспекты их функционирования. При этом они не были исследованы в рамках установившегося после Октября режима социалистической законности. Исследователи все еще предлагают разные интерпретации товарищеских судов – то как чрезвычайных органов, то как институтов гражданского общества. В данной работе я впервые изучаю товарищеские суды на предприятиях на протяжении всего межвоенного периода и совмещаю оба подхода к товарищеским судам, интерпретируя эти полюсы как следствие гибкости правоприменения в рамках социалистической законности.

Источниковая база исследования представляет собой совокупность опубликованных и неопубликованных источников разного типа. В работе использовались источники, обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном государственном архиве Москвы и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

Основной массив источников представляют собой делопроизводственные, а также судебные документы. Для понимания системного функционирования товарищеских судов должны исследоваться в совокупности документы региональных и федеральных архивов. Среди источников из федеральных архивов особую важность имеют фонды ВЦСПС (Ф. Р-5451) и Центральные комитетов (ЦК) профсоюзов, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. В фондах ЦК профсоюзов собиралась информация по различным регионам, демонстрирующая масштаб распространенности и образ действия товарищеских судов на общереспубликанском уровне.

---

⁴⁴ Факурдинова А.Г. Правовая основа деятельности товарищеских судов (1920-е - начало 1930-х гг.) // Право: история и современность. 2019. № 4. С. 36.

⁴⁵ Факурдинова А.Г. Квазисудебность как межотраслевой конструкт: понятие и система в государственном управлении СССР // Государственно-правовые исследования. 2020. №3. С. 343-346; Суязов В.В. Товарищеский суд РСФСР: правосудие и справедливость? // Образование и право. 2020. №9. С. 475-480.

В целом, профсоюзные фонды хранят разнообразные документы по истории товарищеских судов, среди которых преобладает делопроизводственная документация (протоколы, отчёты, переписка между учреждениями, апелляционные жалобы), а также статистические данные по районам, организациям и правонарушениям и разного рода директивные документы. В этих материалах содержались данные о количестве судов, числе разобранных в них дел, а также свидетельства несоответствия практики товарищеских судов определенным законодателем целям. Кроме того, эти фонды содержат подробные, присланные с мест стенограммы заседаний товарищеских судов. За период до 1935 г., когда товарищеские были активно организованы на производствах, сохранилось большое количество разнообразных источников. При этом по периоду 1935-1939 гг. я располагаю прежде всего статистикой и опубликованными источниками.

В своей работе я сравниваю протоколы из фондов ЦК с протоколами местных товарищеских заседаний. Заседания имеют процессуальное сходство, а также общий подход к применению санкций как в отложившихся на местах документах, так и в отправленных в центр. В фондах ЦК профсоюзов документы по товарищеским судам революционного периода (1917-1922) встречаются реже, однако в фонде ВЦСПС (ГАРФ. Р-5451) и профсоюза текстильной промышленности (ГАРФ. Р-5457) обнаружилось множество разных отчетов, жалоб, резолюций, протоколов заседаний из местных профсоюзных ячеек.

В исследовании товарищеских судов периода 1917-1922 г. используются документы Губернского дисциплинарного товарищеского суда (ГТДС) в Петрограде (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 227). В описи с делами по ГТДС обнаруживаются материалы, содержащие данные не только о городских отделениях профсоюзов, но и о губернских. Помимо протоколов апелляционных заседаний, дела содержат инструктивные материалы, а также протоколы организационных совещаний судей.

Большой находкой является фонд московского «Электростроительного завода», хранящийся в ЦГА Москвы. Комплекс документов демонстрирует тенденции развития и работы общезаводского и цеховых товарищеских судов, принятые решения и риторику судопроизводства на протяжении 1929-1932 гг.⁴⁶ Из фондов «Электростроительного завода» к исследованию также привлечены материалы и других органов, в которых могли разбираться дисциплинарные нарушения: протоколы заседаний профбюро различных отделов завода, пленумов заводского и районного комитета профсоюза, РКК, юридических консультаций при завкоме, пленумов при заводском и районном комитете, общих собраний

---

⁴⁶ Документация по товарищеским судам более позднего периода в фонде отсутствует.

рабочих различных отделов за период первых пятилеток, хранящиеся в том же фонде. Протоколы заседаний партийных ячеек хранятся в отдельном фонде (ЦГА Москвы. Ф. П-468), также как документы районной профсоюзной организации (ЦГА Москвы. Ф. П-635), который включает в себя не только отчетные документы по товарищеским судам, но и другим дисциплинарным, конфликтным и общественным органам в годы первых пятилеток.

Помимо протоколов товарищеских судов в исследовании также использованы судебные-следственные документы из судов общей юрисдикции. В фонде Верховного суда мне удалось обнаружить дело, начавшееся в рамках товарищеского заседания, а значит, прошедшее почти через все судебные инстанции, доступные советскому гражданину в 1930-е годы. Судебное дело Алексея Устиновича Сидорцева (ГАРФ. Р-1005, оп. 1а. Д. 968) демонстрирует, как конфликт, начавшийся из-за деятельности цехового товарищеского суда, перешел на всесоюзный уровень. В деле присутствуют все обращения, апелляции, постановления, заявления и прочие документы, в подробностях отражающие детали судебного процесса. Объемная судебная документация этого продолжительного дела демонстрирует детали дисциплинарных разбирательств за пределами предприятия. Для этой главы мной также привлечены источники по биографии Сидорцева: дело о его исключении из партии (РГАСПИ. Ф. 613. Оп.1. Д. 200), его личное дело из фонда Коммунистического университета, где он обучался в начале 1920-х (ГАРФ. Ф. Р-5221. Оп. 52. Д. 676), и из Наркомата внешней торговли (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3320).

Для того, чтобы составить представление о гибкости правоприменения на местах, при подготовке диссертации были подробно рассмотрены законодательные источники, регулирующие товарищескую юстицию. Были исследованы законодательные акты, принятые высшими советскими правительственными и законодательными органами (СНК РСФСР и СССР, ВЦИК РСФСР), среди которых рассмотрены кодексы, декреты, постановления, а также широкий комплекс подзаконных актов. Особенно ценным для понимания законопроектной деятельности в области товарищеского судопроизводства послужили материалы фондов ГАРФ А-353 (Наркомат юстиции РСФСР), А-259 (Совет министров РСФСР) и Р-5441 (Совет министров СССР), которые позволили реконструировать внутренние обсуждения отдельных законодательных актов и споры между ведомствами по поводу их принятия.

В связи с тем, что Наркомат юстиции и ВЦСПС были ответственны за организацию и работу товарищеских судов, в их ведомственной и отраслевой периодике обнаруживаются материалы, помогающие усложнить представления об их работе. В опубликованных материалах по отдельным профсоюзам также содержатся детали

организации локальных товарищеских судов, а также дискуссии о них⁴⁷. В журналах «Еженедельник советской юстиции», «Социалистическая законность», «Рабочий суд» и «Суд идет!» и др. обнаруживаются подробные репортажи с заседаний, программные статьи руководящих деятелей юстиции и профсоюзного движения, интервью с работниками, аналитика экспертов и прочие дескриптивные и аналитические материалы. Материалы журнала «Суд идет!» были особенно полезны для изучения деятельности товарищеских судов в 1928-1930 гг., когда господствовала установка на «бескодекность» и минимальное протоколирование. Публикации в журнале выполняли задачу популяризации товарищеских судов и велись, судя по всему, на заседаниях, организованных в показательных целях. При этом несмотря на общий пропагандистский пафос материалов, в них отчетливо видна и критика судов на рубеже 1920-1930-х гг., а также похожие на обнаруженные в архивных документах подходы к контекстуализации нарушений и последующим санкциям.

Огромный интерес для исследования представляют отдельные публикации советских юридических и профсоюзных экспертов, наполненные не только идеологическими спорами о путях развития советского законодательства и профессионального движения, но и конкретными предложениями и интерпретациями текущих реформ в том числе в области товарищеской юстиции. Подобные экспертные тексты публиковались в виде брошюр, посвященных теории и практике товарищеских судов (В. Епифанович, Г. Москаленко, Ф. Нюрина и пр.) в течение всего периода активного функционирования товарищеских судов (до 1934 года). Аналогичные брошюры выпускались и в конце 1930-х гг., но уже за пределами Москвы и Ленинграда.

Отдельным важным источником для исследования социалистической законности стали научные работы современных моему периоду деятелей юстиции по советскому праву. К ним относятся теоретические и учебные тексты советских юристов, многие из которых занимали высшие государственные посты (Е.Б.Пашуканис, А.Я. Вышинский, П. Стучка), а также приложили большие усилия к развитию отраслей гражданского и трудового права в СССР (А. Гойхбарг, З. Гришин, А. Клейнман).

Основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту

1. В годы революционного кризиса товарищеские суды стали важным механизмом налаживания трудовой дисциплины в условиях развала экономики в 1917-1919 гг. Отталкиваясь от вопросов пролетарской морали и этики труда они стали особой

---

⁴⁷ Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. Вып. 2. М., 1918. С. 23-30; Октябрьская революция и фабзавкомы. М., 1927. Ч 1. С. 37.; Там же. Ч. 3. С. 190; Профсоюзы и народный контроль. 1917-1965. Документы и материалы. М., 1965.

формой коллективного урегулирования конфликтов и контроля за дисциплиной. Советский декрет об учреждении товарищеских судов от 14 ноября 1919 г. стал первым шагом по включению трудовой дисциплины в пространство советского государственного регулирования.

2. Постепенное включение товарищеских судов в репрессивную машину государства способствовало одновременно ужесточению возможных в рамках их компетенции санкций и большей бюрократизации. Несмотря на это, судам товарищеской юрисдикции в 1919-1922 гг. не была свойственна строгость. В целом, применявшиеся ими меры воздействия были снисходительными. Они учитывали разные факторы для уменьшения взыскания – статус кормильца семьи, дополнительные смены на рабочем месте, физическое состояние обвиняемого. Организация товарищеских судов при губернских или уездных профсоюзных отделах способствовали независимости товарищеского суда, а увеличение постановлений и инструкций, детализирующих работу судов способствовали их приближению к сфере юстиции.
3. В 1919-1921 гг. в товарищеских дисциплинарных судах возникла возможность рассматривать дисциплинарные нарушения не только административного персонала, но и высших должностных лиц государства. В условиях отсутствия частноправовых возможностей по обвинению должностных лиц, товарищеские суды стали инструментом административного контроля.
4. Понятие обычного права, с помощью которого некоторые исследователи описывают социалистическую законность и практики товарищеских судов, оказывается к ним неприменимо, так как отсылает к традиции, к воспроизведению прошлого. Напротив, социалистическая законность была принципиально новым явлением, совмещавшим в себе коммунистическую доктрину, традиции дореволюционной законности и реальность Гражданской войны и государственного строительства, а потом и индустриализации, подкреплявшими и утверждавшими модерную политику советского государства.
5. Гибкость товарищеских судов и широкая контекстуализация в виде выхода за пределы обозначенных в инструктивных документах компетенций и санкций характерна для их деятельности и в 1917-1922 гг., и в 1928-1939 гг. В 1917-1922 гг. товарищеский суд был самым авторитетным органом в сфере дисциплинарных нарушений, тогда как в 1928-1939 гг. он потерял это значение.
6. В 1928 г. товарищеские суды были учреждены в интересах наркомата юстиции для разгрузки народных судов, однако включение трудовой дисциплины в сферу

компетенции товарищеских судов с 1929 г. переориентировало суды прежде всего на производственные задачи. В результате этого поворота дисциплина снова стала пространством общего дела и производственно-товарищеские суды вопреки предписанным им компетенциям включили в свои разбирательства административно-технический персонал. В результате гибкость товарищеской юстиции допускала и репрессивность, и эмансипаторность товарищеских судов. Более того, образцовыми судами в 1933-1934 гг. считались именно те суды, где трудящихся не только осуждали за нарушения дисциплины, но и восстанавливали в правах.

7. С 1932 г. компетенция товарищеских судов снова была ограничена после принятия ряда новых законов и постановлений. Гибкость товарищеской юстиции, иногда излишне демократичной с точки зрения высших властей, пытались ограничить новыми инструкциями, сужающими компетенцию товарищеских судов. В результате с 1935 г. товарищеские суды там, где продолжали функционировать, имели больше массово-воспитательные, а не судебные функции, так как были призваны заниматься предупреждением нарушений и пропагандой законодательства, а также политических кампаний.
8. Несмотря на то, что на локальном уровне в товарищеских судах политический дискурс обвинения встречался достаточно редко на протяжении всего изучаемого периода, товарищеским судам 1931-1939 гг. были более свойственны политические разоблачения. Причиной этому послужило отсутствие четко прописанных процедур и норм для деятельности производственно-товарищеского суда в этот период. Поэтому остановить идеологические разоблачения, начавшиеся в товарищеских судах, могли суды общей юрисдикции.

Структура и краткое содержание диссертационного исследования

Диссертационное исследование выстроено хронологически, с акцентами на некоторых узловых точках в истории товарищеских судов.

Первая глава – «Товарищеские суды и государство в 1917-1922 гг.» включает в себя историю товарищеских судов в годы Гражданской войны. В ней я исследую трансформации дисциплины, реализуемой в товарищеских судах в 1917-1922 гг. в Советской России.

В первом параграфе «Товарищеские суды до издания декрета от 14 ноября 1919 г.» я рассматриваю, как нарушения на производствах в годы войны и революции привели к созданию альтернативной товарищеской дисциплины в форме «общего дела», чье возникновение было обусловлено протестами и эмансипацией рабочих. Декретом 1919 г.

эта волна «товарищеского» судопроизводства и низового дисциплинарного контроля была включена в систему государственного управления и ограничена конкретным кодексом правил.

Во втором параграфе «Учредительные документы и место товарищеских судов в системе государственных органов» в деталях анализируются основные законодательные меры в области товарищеской юстиции, их изменения на протяжении изучаемого в этой главе периода, а также взаимодействие товарищеские судов с органами юстиции, общественными и трудовыми и другими органами.

В третьем параграфе «Практика товарищеского суда: карательный или примирительный орган?» рассматривается, как товарищеские суды на местах выходили за пределы норм, предписанных декретом. Карательный принцип, в целом доминирующий статистически, комбинировался с индивидуализирующим подходом, который способствовал ограничению меры наказания. Кроме того, существующая статистика не учитывала условные наказания, когда работников оставляли на производстве и приговаривали к принудительным работам или заключению в концентрационный лагерь условно до повторного нарушения (10% дел в Петрограде). Другим способом ограничить применение наказаний были амнистии. Существование всех этих мер свидетельствует о том, что несмотря на жесткие требования предписанной государством дисциплины, в пределах деятельности товарищеских судов на местах существовало множество возможностей ограничить или даже отменить наказание.

В четвертом параграфе «Новые иерархии: коммунисты и управленцы в товарищеских судах» анализируется роль администрации и управленцев разного уровня. Как показывают судебные протоколы, классовая повестка для участников разбирательств была менее актуальна, чем традиционный судебный дискурс. Под традиционным судебным дискурсом имеется в виду апелляция к низкому социальному статусу, семейному положению, сиротству и проч., что было характерно и для дореволюционного суда. Таким образом, гибкость революционной законности в рамках товарищеской юстиции не была ограничена классовым подходом. Несмотря на то, что первоначально представители администрации были исключены из юрисдикции судов, на практике это продолжало происходить и впоследствии оказалось легитимировано Инструкцией 1921 года. Таким образом, спустя полтора года работы товарищеские суды переформатировали предписанные сверху ограничения, пересоздав суды на более эгалитарных началах. С другой стороны, эта административная власть, как предполагается, была одной из причин упразднения товарищеских судов в 1922 году. Эта и другие причины рассматриваются **в последнем параграфе** «"Национализация" дисциплины на производстве», где я прихожу к

выводу, что с усилением нового советского бюрократического режима только с окончанием Гражданской войны производственная дисциплина оказалась «национализирована», т.е. передана в руки лояльным большевистской власти администраторам, а сами товарищеские дисциплинарные суды оказались упразднены. Товарищеские суды перестали отвечать экономическим и политическим целям большевистских лидеров. При этом их практика показывает, что не широкие пределы и гибкость революционной законности или отсутствие профессиональных кадров приводили к усилению репрессий, а экстремальные экономические условия и включение государства в процесс функционирования дисциплинарных институтов. Гибкость товарищеского суда позволяла им в зависимости от контекста то вести репрессивную политику, то быть максимально либеральной институцией, действительно применяющей только воспитательные меры. При этом постепенные бюрократизация и централизация товарищеских судов, сближающие их с органами юстиции, делали их более независимыми и профессиональными. Именно это испугало советское руководство, опасавшееся, что товарищеские суды получили слишком много возможностей для административного контроля не только над руководством предприятий, но и над союзными чиновниками. Октябрь 1917 года в данном случае не предстает границей между двумя различными типами управления производством. Новая экономическая политика значительно сильнее изменила там дисциплинарный порядок – дисциплина была «национализирована», оказавшись в руках советских управленцев.

Во второй главе «Товарищеские суды в 1928-1939 гг.» я рассматриваю товарищеские суды после их возобновления в 1928-1939 гг. **В первом параграфе** «Товарищеские суды конца 1920-х гг.» исследованы товарищеские суды 1928-1929 гг. Их практика в эти годы больше связана с эпохой НЭПа, чем с индустриализацией и сталинскими дисциплинарными и правовыми ограничениями. Тогда на повестке дня стояла в первую очередь разгрузка народных судов от дел частного обвинения, вследствие чего подсудность товарищеских судов была ограничена прежде всего делами о защите чести рабочих.

Во втором параграфе «Индустриализация товарищеских судов» я рассматриваю поворот товарищеских судов от юстиции к интересам индустриализации и социалистического строительства. Включение дисциплины в их подсудность привело к трансформации в понимании прав рабочих, которые стали вторичны по отношению к производству. Я подробно рассматриваю изменения товарищеских норм, так как за этот период вышло множество регулирующих их деятельность законодательных актов, а также споры ответственных их органов по поводу их создания. Помимо норм я фокусируюсь на практической деятельности товарищеских судов. В отдельных случаях у работников была

возможность использовать суд как эмансипирующий институт рабочего контроля, т.е. в интересах работников.

В третьем параграфе «Урезание компетенций» исследован постепенный процесс ограничения подсудности производственно-товарищеских судов на протяжении 1930-х гг. В нем показано, как большие надежды на эффективность судов сопровождались их постоянной критикой, а их компетенции были шаг за шагом ограничены в условиях выпуска нового жесткого законодательства.

В последнем параграфе «Иные органы социального контроля на производстве» сталинское производство рассмотрено как единая дисциплинарно-правовая система. Обилие на производстве не только дисциплинарных и квази-легальных органов, но и общественных органов с дисциплинарными и правовыми функциями демонстрирует широту возможностей одновременно для контролирующих органов и для рядовых работников для реализации своих интересов. С другой стороны, такая широта возможностей для работников была ограничена отсутствием прописанных процедур, когда разбирательство могло пойти по самым разным сценариям как внутри производства, так и за его пределами.

Таким образом, на практике товарищеские суды как один из локусов социалистической законности вмещали в себя широкий спектр собственных тактик, среди которых можно обнаружить бюрократические (обилие штрафов, существование отдельных судов только на бумаге), репрессивные (контроль над дисциплиной и над обеспечением рабочих), эмансипационные (защита чести и достоинства на рабочем месте, критика администрации, борьба за лучшие условия труда через обращения внимания на беспорядок в организации). В главе доказано, что такие гибкость и разнообразие в рамках товарищеской юстиции снова перестали соответствовать целям государства. В середине 1930-х гг. активность товарищеских судов резко упала в связи с сокращением их компетенций в связи с новым законодательством. Производственно-товарищеские суды все больше начали напоминать органы массово-воспитательной работы, тем самым теряя различия с другими общественными органами на предприятии.

В третьей главе «Социалистическая законность в товарищеском суде и за его пределами: дело Алексея Сидорцева» я исследую в деталях дело Алексея Устиновича Сидорцева, бывшего председателя товарищеского суда, уволенного с завода «Красный пролетарий». Рассмотренное дело подтверждает и детализирует мой тезис о проблематичности политических обвинений в рамках товарищеской юстиции: политическая репрессивность товарищеского суда во главе с Сидорцевым не была чем-то обыденным, она возмущала и работников, и руководство предприятия.

В первом параграфе «Портрет одного председателя» я рассматриваю биографию Сидорцева, которая демонстрирует его опытность в политических разоблачениях и взаимодействиях с различными государственными органами на протяжении всей его сознательной жизни. Это позволяет понять контекст последующих событий и разбирательств.

Во втором параграфе «Обвинение в товарищеском суде» исследована деятельность Сидорцева на «Красном пролетарии», где он продолжал разоблачать классовых врагов, на этот раз с помощью товарищеского суда, который он возглавил практически сразу после своего появления на заводе. Сидорцев привлек внимание всего завода к деятельности суда, так как на передаче дела одного из коллег в ОГПУ он не остановился, продолжая искать некую контрреволюционную группировку. Я обращаю внимание, что в заводских спорах Сидорцев прежде всего обвинял в классовой чуждости, в нарушении партийных и государственных постановлений. В производственно-товарищеском суде эти идеологические аргументы показали свою эффективность, так как единственное, что смогли противопоставить Сидорцеву – это не публичное несогласие с ним, а увольнение по причинам, не связанным с его расследованиями. В результате выговора, судя по всему, по необоснованной причине, и последующего увольнения из-за появления в пьяном виде на проходной завода, Сидорцев начинает кампанию против авторов этих решений – заводских партийных и профсоюзных администраторов.

В третьем параграфе «Народный суд и профсоюз» показано, что уволенный Сидорцев при обращении в народный суд продолжал использовать прежде всего идеологические аргументы – о том, что председатель ячейки является “зажимщиком самокритики”, нарушителем ряда постановлений и проч. Несмотря на то, что Сидорцев перестал быть обвинителем и стал пострадавшим, модус его разоблачений (идеологический) практически не изменился.

В четвертом параграфе «Городской суд и прокуратура» демонстрируется, что не только народный, но и городской суд и даже прокуратура мало реагировали на разоблачительную идеологическую риторику Сидорцева, которая была успешно использована на товарищеском суде. В результате он изменил свою тактику в судебном разбирательстве и вместо идеологических обвинений стал делать упор на несоответствии свидетельств фактическим обстоятельствам дела. Невнимание советского суда к идеологическим нарушениям заставило истца обратиться к новому типу аргументов – бюрократическому, актуальному для суда общей юрисдикции, а не для товарищеского разбирательства. Это прослеживается в его заявлениях и обращениях в суды, профсоюзы и прокуратуру разных уровней.

В пятом параграфе «Верховный суд» показано с одной стороны судебное разбирательство и финальная победа Сидорцева в Верховном суде, с другой стороны, то, что политические аргументы истца так и не получили реализации в судах общей юрисдикции. Таким образом, осуждение начальством и рядом товарищей склочной политичности Сидорцева показывает, насколько в действительности проблематичным и нежелательным был поиск врагов на низовом товарищеском уровне. В условиях отсутствия процессуальных ограничений, а также работы с доказательствами в рамках производственно-товарищеских судов данного периода, идеологическим аргументам в их пределах могли положить конец только внешние им органы – администрация, суды общей юрисдикции, ОГПУ.

В заключении делаются выводы о специфике товарищеских судов и их взаимодействии с социалистической законностью. В работе доказано, что революционность и стихийность товарищеских судов позволила им занять пустующее в 1905-1907 и 1917-1918 гг. пространство дисциплинарного контроля, причем этот контроль производился в интересах рабочих сообществ, для продолжения функционирования предприятий. С укреплением большевистского государства дисциплина была постепенно изъята из рук товарищей несмотря на ряд успехов товарищеских судов, которые, несмотря на включение в репрессивную машину, продолжали сохранять свои демократические устремления. Такая независимость стала, судя по всему, одной из причин для их устранения. Когда суды были вновь введены в конце 1920-х гг. введение товарищеских судов было инициировано не снизу, а со стороны наркомата юстиции для разгрузки народных судов. Недостаточная активность судов в 1928-1930 гг. в условиях очень ограниченных полномочий привели к тому, что товарищеские суды оказались привлечены к реализации плана индустриализации, снова в качестве органа борьбы за трудовую дисциплину, а не органа для разбора личных конфликтов, как планировали юристы. Последующие трансформации товарищеских судов все больше отдаляли их от сферы юстиции. При этом товарищеские суды предоставили ряд возможностей для защиты своей чести и вообще актуализировали обсуждение личного достоинства в рамках производств.

В результате поворота к индустриализации защита чести рабочих сменилась защитой «чести» социалистического строительства, так как права рабочих, провозглашенные по КЗоТу, оказались вторичны по отношению к экономическим показателям. С другой стороны, гибкость товарищеской юстиции и в этом случае привела к тому, что суды смогли реализовать свой «революционный» потенциал, стоящий у их истоков. Включение дисциплины в компетенцию товарищеских судов способствовало трансформации этой дисциплины: она снова стала общим делом, подразумевающим

ответственность не только рядовых работников, но и административно-технического персонала. Такая эмансипаторная тенденция в деятельности товарищеских судов была остановлена криминализацией все большего количества дисциплинарных нарушений на протяжении 1930-х гг. и в особенности в конце десятилетия, что по большей части устраняет товарищеские суды от их регулирования. Товарищеские суды на протяжении этого периода отдалялись от системы юстиции, занимаясь, скорее воспитательной работой и проработками дисциплинарных нарушений, как и другие многочисленные производственные органы. Что касается политизированности товарищеских судов, то эта политизированность не является вездесущей. В товарищеских судах 1917-1923 гг. она вообще слабо прочитывалась. Более того, стремление выискивать врагов народа, как показывает дело Алексея Сидорцева, вызывало недовольство на местах.

Зарегулированность поля трудовой дисциплины парадоксально способствовала тому, что решение в каждом отдельном случае зависело от локальных контекстов и разнообразных внутренних отношений на производствах, так как не было прописано ни четких санкций за отдельные нарушения, ни конкретных процессуальных норм, поэтому товарищеские суды могли быть как максимально репрессивными, так и максимально снисходительными и даже эмансипаторными. Социалистическая законность в сфере общей юрисдикции также зависела от местных контекстов, но эти пределы были в значительно большей степени процессуально ограничены.

Теоретическая и практическая ценность исследования

Теоретическая ценность диссертационного исследования заключается в разработке подхода к изучению товарищеских судов во всей их совокупности с точки зрения истории права. В практических целях результаты исследования могут быть применены при подготовке учебных пособий и курсов по истории права, межвоенного СССР, по участию граждан в судебной системе.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность исследования определяется рассмотрением широкого корпуса источников, изученных в рамках выбранной методологии. Основные положения, а также общий план диссертации неоднократно презентовались и обсуждались в научном сообществе в 2019–2023 гг. на 10 конференциях, в том числе 5 международных.

1. 5ый международный воркшоп "Political in political history" в университете Ювяскюля, Финляндия, 17–19.06. 2019, доклад "Justice without law: comrade courts in Soviet Russia".

2. Германский исторический институт в Москве, 25.06.2019, доклад «“Суд не прежний полицейский, а наш, товарищеский”»: товарищеские суды и социалистическое правосознание в СССР в 1919–1939 гг.»
3. Международный воркшоп по антропологии и истории в университете Хельсинки, 11.06.2020 доклад "Preserving counter-revolution: soviet bureaucracy in the class war".
4. Германский исторический институт в Москве, 25.09.2020, доклад «Товарищеское о(б)суждение на сталинском предприятии в годы первых пятилеток (1928-1937)».
5. Германский исторический институт в Москве, 25.02.2021, доклад «Практикуя товарищество: коллективистские аргументы в трудовых спорах на советских предприятиях в 1930-е гг.»
6. Международная онлайн-конференция "Советское наследие 30 лет спустя: дискурсы и практики", 23–24.04.2021, доклад "Быть товарищем и коллективом: собирая социальность в советских трудовых конфликтах 1930-х годов".
7. Международный воркшоп “Stalinism and the struggle for social control, 1929 to 1956» в университете Йены, Германия, 3–4.6.2021, доклад "A Market of Legal Bodies in a Stalinist Enterprise: disciplinary practices and workers’ rights".
8. XV общероссийская конференция ВДНХ, Европейский университет, Санкт-Петербург, 25–26.03.2022, доклад «Конфликт как общее дело: товарищеские суды в условиях революционной законности».
9. 17-ая международная конференция «EASA2022 (European Association of Social Anthropologists): Transformation, Hope and the Commons. School of History, Anthropology, Philosophy and Politics», Королевский университет Белфаста, Ирландия, 26–29.07.2022, доклад «Comradeship and collectivity: assembling sociality in Soviet industrial labour conflicts in 1930s».
10. XVI общероссийская конференция ВДНХ, Европейский университет, Санкт-Петербург, 24–25.03.2023, доклад “Советский суд между бюрократией и идеологией: дело об увольнении Алексея Сидорцева, искавшего классовых врагов”.

Основные публикации автора в журналах, включенных в список изданий высокого уровня, подготовленный в НИУ ВШЭ, а также индексируемых в базах Scopus

1. Старун М.И. «Национализация» обобщественной дисциплины: товарищеские суды в Советской России в 1919-1922 гг. // *Cahiers du monde russe*. – 2021. – 62/4. С. 553-579.

2. Старун М.И. Поход Алексея Сидорцева против советского суда: свидетельства, аргументы и поиск материальной истины // *The Soviet and Post-Soviet review*. – 2022. – Vol 49. No. 2. Pp. 115–149.
3. Старун М.И. Репрессии и эмансипации социалистической законности: производственный товарищеский суд в годы первых пятилеток // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2022. №3. С. 87-118.